

ЛЮДМИЛА
ПРЕДОБРАЯ

2000-е: КРИМИНАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

КТО УБИЛ

Волика Либера?

Людмил Федогранов
Кто убил Волика Либера?
Серия «2000-е: Криминальный
рубеж», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18572480
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Вольф Вольфович Либерман – финансовый гений, один из богатейших людей России и редкостный мерзавец, безжалостно унижающий всех, даже самых близких ему людей. Многие мечтают убить Либермана – и вот финансиста находят мёртвым в его роскошном имении. Подозрение падает на его жену, Аллу Либерман, которая, как убеждены окружающие, ненавидела мужа-тирана. Но убийство Вольфа Вольфовича Либермана готовили очень серьёзные люди, они умело спрятали концы в воду... Полковник ФСБ Валентин Бардар должен узнать, кто же на самом деле убил Волика Либера.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	13
ГЛАВА I	13
ГЛАВА II	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Людмил Федогранов

КТО УБИЛ

ВОЛИКА ЛИБЕРА?

ИГОРЮ КОСТАНТИНОВИЧУ ПАНИНУ -

*умнице и жизнелюбу, родному николаевскому
«прощелье» с огромной благодарностью за всё, с
пожеланиями счастья и удачи в жизни.*

АВТОР

ПРОЛОГ

«... Конец марта, мерзейший мокрый снег, который не падает с неба, а валится, превращая весь мир в сплошную снежную кашу, поглощающую человека целиком и вызывающую суеверный ужас: а есть ли вообще на Земле ещё что-то, кроме этой грязно-серой, густо облепляющей тебя мерзости?...

Есть ли ещё солнце, тепло, да просто белый свет, наконец?!

В такую погоду ненавидишь всех и вся, хочется если и не умереть, то уж заснуть точно – чтобы проснуться в другом, светлом и тёплом, добром мире. Который тоже мог бы быть в конце марта в южной Одессе, но вот надо же случиться этому запоздалому снегопаду...

А если такой день для человека – последний в жизни? И последнее, что он видит и запоминает (а это запоминается, или оно исчезает вместе с последним вздохом?...), – это промозглый мартовский снегопад?

Интересно, для человека, знающего, что он – уходит, даже такой день – счастье? Даже такая погода – радость?

Или же он даже рад тому, что уходит, потому что там, впереди, всё может быть совсем по-другому, а здесь...»

– Ну ты и идиот, Валюша! – громко сказал сам себе полковник Валентин Бардар, отрываясь от безрадостных раз-

мышлений о мартовском снеге и последних днях жизни, которые невесть как овладели его почти совершенным мыслительным аппаратом «технаря-одиночки», как называла его иногда Светлана. – Дебил из дебилов, – уже тише, но по-прежнему убеждённо, произнёс он после минутной паузы.

Вероятно, основания для подобной оценки своих умственных способностей у Валентина имелись: сегодня было шестое июля, от марта и до марта было уже и ещё далеко, день стоял по-летнему жаркий и никакого снега на том участке земной территории, на котором находились Москва и Московская область, не предвиделось.

Даже теоретически.

А уж мысли о смерти...

Тридцатидвухлетний полковник Бардар находился в отличной физической форме, давление семьдесят пять на сто двадцать и все такое прочее; не отягощённый более или менее вредными привычками, отлично тренированный и привыкший к большим физическим и психологическим нагрузкам организм обещал, как принято говорить, «долгие годы жизни» – если, конечно, не произойдут какие-либо профессиональные... неприятности, чреватые... Да мало ли чем может быть чревата профессиональная деятельность полковника ФСБ, специализирующегося на выполнении... деликатных поручений высшего руководства страны и получающего при этом практически не ограниченные полномочия?...

Наконец, мысли о смерти именно сейчас были просто

нелепы ещё и потому, что сегодня, в пятницу, начинался краткосрочный отпуск полковника, который он намеревался провести так, как никогда до этого не проводил нечастые свои отпуска.

Сегодня вечером Валентин Бардар должен был встретить самолёт, который должен был прилететь из города-героя Одессы и в котором должна была находиться самая лучшая женщина на свете – его Света. Она прилетала на неделю, и эту неделю они будут вместе!

Конечно, лететь в начале июля из Одессы в Москву для того, чтобы любящие друг друга люди, имеющие неделю свободного времени, могли провести эту неделю вместе, было несколько... нетрадиционно, что ли.

В обратном направлении – пожалуйста, из каменных джунглей «Третьего Рима» к «самому синему в мире» Чёрному морю – что может быть приятнее и естественнее?!

Но Светлана, коренная одесситка, ещё весной обмолвилась, что она мечтает пожить в лесу. «Как Олеся Куприна», – пояснила студентка-заочница филфака Валентину, который до их встречи досконально, от корки до корки, изучил пятитомное собрание сочинений любимого ещё со школы Булгакова и не стремился к расширению круга своих читательских интересов.

До их со Светланой встречи так и было, но после слов девушки «Олеся» была внимательно прочитана полковником Бардаром, который за недолгие к тому времени недели

знакомства успел убедиться, что если «радость моя» (так, несколько высокопарно, он называл Свету, и эти, в общем-то затасканные, слова произносились им так обезоруживающе нежно, что...) о чём-то говорит, то слушать нужно внимательно и выводы делать сразу же...

Сейчас Валентин с нетерпением ждал вечера, потому что сразу же из аэропорта он собирался отвезти Светлану «в лес». Этот «лес» был подмосковным сосновым бором, в котором находилась очень даже и добротная дача Александра Владимировича Воеводина, бывшего школьного учителя математики, а ныне преуспевающего «рантье», как он сам себя называл, у которого когда-то давно учился Валя Бардар и которому он совсем недавно сумел помочь в разрешении проблемы, изначально выглядевшей неразрешимой.

Если называть вещи своими именами, просто констатировать факты, то Валя спас жизнь Александру Владимировичу, а такие вещи не забываются, поэтому Воеводин искал возможность, чтобы отблагодарить своего бывшего ученика, и приглашение пожить неделю на даче, которое Валентин с благодарностью принял, могло, как полагал бывший учитель математики, стать первым шагом, способом узнать, что именно можно сделать для Валентина в знак благодарности – не деньги же ему предлагать, в самом-то деле!

Денег у Воеводина было больше чем достаточно, но заикнуться об этом в разговоре с Валею...

Валентин уже бывал на даче у Воеводина – именно там

проводилось задержание преступников – , и ему очень понравился этот густой сосновый бор, в котором «новые русские» сооружали свои дачи-дворцы. Аккуратно, нужно сказать, сооружали, с большой любовью к природе – ведь дешевле сохранить на дачном участке столетнюю сосну, чем окультурировать потом этот же участок посредством дорогостоящих садово-парково-огородных работ... Поэтому «мужики» и не рубили, и не губили, а ощущение у человека, попадавшего в этот дачный посёлок для очень и очень избранных, было такое, словно он оказался в детской сказке – избушки вырастали прямо среди сосен, того и гляди из металлопластикового окошка современные Баба-Яга с Кощеем выглянут.

Чтобы поинтересоваться, что за народ мельтешит...

Встречу со Светланой Валентин считал самой большой удачей в своей в общем-то небедной на удачи жизни. Трагические обстоятельства, на фоне которых произошло их знакомство, когда Вале не хватило какого-то мгновения и каких-то нескольких сантиметров, чтобы предотвратить самоубийство Александра Завалько, те отношения, которые связывали Светлану и погибшего у неё на глазах Александра, наконец, то, неведомое ему доселе чувство, которое вызвал в душе Валентина вид истерически рыдающей Светланы, – всё это позднее много раз прокручивалось в голове полковника Бардара, жёсткого профессионала, умеющего в своей нелёгкой, напроць лишённой романтики и бесконечно грязной работе то, что мало кто в ней умел делать.

И каждый раз при этом атеист Валентин Бардар благодарил Бога за то, что он послал ему эту удивительную девушку – Светлану...

Полковник Бардар не был и не мог быть сентиментальным человеком, но его отношение к Светлане было настолько нежным, что со стороны он мог показаться полупридурком, восторженно взирающим пусть и на очень красивую, но всё же достаточно заурядную в этой своей красоте девушку.

Просто он так и не смог по-настоящему поверить в то, что Светлана его любит, то есть поверить-то он поверил, потому что настоящую любовь нельзя не чувствовать, но... не привык, что ли?...

А может, так к нему, чуду любви, и нужно относиться, не привыкая к тому, что человек, которого до какого-то мгновения в твоей жизни не было вообще, вдруг становится сутью этой жизни, и без него всё остальное – всего лишь «способ существования белкового тела» – застряла же в памяти у Вали Бардара такая идиотская формулировка?...

Может, только тогда, когда каждое мгновение жизни человек будет ощущать любовь, беречь её, страшиться того, что это чувство исчезнет, уйдёт незаметно и необратимо, как вода сквозь пальцы, и живёт человек по-настоящему? Не приспособливается, не тянет ляжку, не исполняет свой (или чужой, навязанный ему!) долг, а именно ЖИВЁТ?

«Потому что, если не любил, значит, и не жил, и не дышал»...

Полковник Бардар был профессионалом слишком высокого класса для того, чтобы подобного рода размышления могли появиться у него при исполнении служебных обязанностей. Он работал точно, аккуратно, уверенно, и в этой работе не было и не могло быть места сантиментам, потому что это мешало выполнению обязанностей.

Служебных обязанностей.

Но сейчас он был в отпуске. Он настраивался на то, что неделю жизни он проведёт так, как...

А как, собственно?

Он и сам не мог понять, чего он ждал от этой недели, ведь ему хватало и того, что в эти дни он будет вместе со Светланой, незримое присутствие которой и стало причиной непривычных для него размышлений, которые и радовали, и одновременно пугали его: всё это было слишком необычно, а необычное, неизвестное – как бы ни радовало! – всегда слегка страшит. Даже очень сильных, привыкших к преодолению трудностей, к опасностям людей.

Потому что оно – неизвестное...

Предстоящая неделя обещала только хорошее, ничто не могло помешать «празднику в лесу», как называла это Светлана, и, мало-помалу, втягиваясь в это «хорошее», Валентин Бардар думал о совсем уже невероятных для него вещах, и размышления эти, наверное, были приятными, потому что жёсткое, не улыбочливое лицо полковника ФСБ стало мягким и добрым, оно просто лучилось счастьем...

Полковник Бардар не мог знать, что обстоятельства уже сложились так, что предстоящая неделя должна была стать одной из самых тяжёлых и даже страшных в его жизни, а ему и его любимой женщине предстоит пройти через такое испытание, по сравнению с которым судьба Ромео и Джульетты может показаться доброй сказкой со счастливым концом – ведь иногда смерть намного легче того, что зовётся жизнью...

Он не мог знать этого, и никакие тревожные предчувствия не омрачали его радости.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Государство необходимо, потому что необходима структура, упорядочивающая ход жизни и организующая её, жизнь, на нормальных – то есть в первую очередь разумных – началах.

Необходимость существования любого государства определяется именно этим.

Но эта глобальная – в пределах территории государства – задача вступает в определённые, иногда существенные, противоречия с интересами отдельных личностей и коллективов, обретающихся на данных территориях, и тогда эти личности и коллективы пытаются обеспечить свой миропорядок, который в большей или меньшей степени расходится с тем, что предлагает им государство.

До тех пор, пока эти попытки не подрывают основ государственной монополии на право мироустройства, государство может себе позволить не обращать на них внимания.

Но, как хорошо известно всем, аппетит приходит во время еды, поэтому те, кто хочет устроить всё по-своему, должны либо вступить в открытый конфликт с государством, либо создавать своё собственное «государство в государстве»,

которое, соблюдая внешние по отношению к нему правила игры, на самом деле переиначивает их на свой лад, насаждая свои порядки и даже нравы.

Если люди, которые занимаются этим, добиваются значительных успехов, то существование этого «государства в государстве» обязательно становится явным, и тогда государство должно решить: что делать с нахалом, успешно посягнувшим на то, на что посягать нельзя?

Чаще всего официальные власти стараются не ссориться с теми, кто также обладает реальной властью и доказал своё право на эту власть, поэтому высокие договаривающиеся стороны находят общий язык и худо-бедно делят сферы влияния.

Если, разумеется, это оказывается возможным.

Делается это потому, что худой мир лучше доброй ссоры. Намного лучше.

Именно поэтому в новой России возникли такие трогательно доверительные отношения между государством и теми, кто обладает в этом, как подразумевается, едином и могучем государстве реальной властью: те, кому есть что терять, всегда могут договориться, как избежать этих потерь, которые отнюдь не представляются неизбежными.

Примерно такие же отношения возникают и между «государствами в государстве», разница лишь в том, что здесь, как правило, гораздо больше людей, которые не совсем верно оценивают исходные данные и поэтому не всегда призна-

ют необходимость делёжки.

И тогда им объясняют, что и как.

Объясняют доходчиво, поэтому обычно уроки усваиваются с первого раза.

У тех же, кто не хочет с первого раза усваивать эти доходчиво проводимые уроки, появляются проблемы, связанные с профессиональной непригодностью: ведь если человек не способен сразу понять вполне очевидные вещи, значит, он не соответствует занимаемой должности, и такое несоответствие чревато оргвыводами.

Потому что дешевле один раз произвести кадровую перестановку, чем постоянно объяснять и объяснять то, что необходимо усвоить с одного-единственного раза.

И тогда всё определяется проверенным жизнью правилом: незаменимых нет.

* * *

– Нельзя не признать, что они работают идеально, и это происходит потому, что ситуация в их тандеме во многом уникальна: люди повязаны столькими нитями, что деться им друг от друга просто некуда, кроме того, они идеально дополняют друг друга, как говорят учёные люди, это сочетание тактического и стратегического гениев, – медленно, раздумчиво, явно вспоминая услышанное, проговорил дорого и стильно одетый мужчина, длинные чёрные волосы которого

были стянуты в модный ныне «хвост», ласково перекачивая в руках жёлтого стекла рюмку с коньяком «Арагат». – Если бы когда-то кто-то мог сказать, – он опять задумался, вспоминая, – что безумная любовь экзальтированной второкурсницы и доцента в расцвете лет принесёт такой результат, вероятно, это показалось бы по меньшей мере... фантазией...

– Нам-то что от этой их безумной любви, Гарик? Нам нужно думать о том, как сберечь свои деньги от этих безумных любовников, ведь сейчас, того и гляди, они нас сотрут в порошок, а ты, кажется, слёзы начнёшь лить над этой историей любви!

Характерная внешность, резкий, гортанный голос и неискоренимый долгими годами обучения в престижных школах и вузе акцент говорившего неопровержимо указывали на «лицо кавказской национальности», как стали называть в России выходцев с Кавказа те, кто не понимает разницы между человеком и его внешностью – антропологи чёртовы, новаторы-анатомы-Мичурины!

«Лицо», которое произнесло слова об истории любви, было «лицом» более чем интеллигентным, читавшим эту самую «Историю любви» на языке оригинала, но для какого-нибудь Гаврилы с рынка этот человек оставался – «чуркой»...

Правда, вряд ли этот неведомый Гаврила рискнул бы назвать так интеллигентного кавказца в лицо, да ещё один на один: весь облик сына гор выражал такую непоколебимую

уверенность в себе, такую свирепость, что у Гаврилы, скорее всего, язык прилип бы к гортани...

– Ты это зря, Вахтанг, – спокойно отозвался тот, кого косвенно обвинили в способности лить слёзы. – Просто есть такая... точка зрения, кстати, твоими учёными корешами выдвинутая, что наиболее полно индивид, нет, личность человека проявляет себя именно в любви! Прикидываешь, каждый, оказывается, трахается только так, какой у него характер, какие у него, – здесь говоривший на мгновение призадумался, как бы снова что-то вспоминая, – личностные характеристики! Вот!

Тот, кого называли Вахтангом, мог бы многое рассказать собеседнику о Фрейде и Фромме, о прочих психологических штучках-дрючках, потому что в своё время ушёл в бизнес со второго курса аспирантуры МГУ, где готовил диссертацию о влиянии наследственности на процессы социализации подростков, но он благоразумно промолчал, решив, что просвещение народа – дело самого народа, а филантропия в случае с его компаньоном может только боком вылиться самому филантропу...

– Кстати, – интеллигентный кавказец насмешливо посмотрел на явно гордящегося своей учёностью собеседника, – в определённых кругах до сих пор легенды рассказывают о том, как этот, как ты его назвал, доцент в расцвете лет, мог неподражаемо «держат» поток... Заметь, это был четвёртый курс, не первокурсники какие-то желторотые...

– «Держал»... поток? – неуверенно переспросил ещё недавно гордящийся собой интеллеktуал. – Ты имеешь в виду, что...

– Ты мыслишь правильно: поток – это не зона, это студенты. Так бывает, когда на лекцию стоняют несколько групп сразу, весь курс. Сам понимаешь, народ собирается вместе нечасто, всё больше по группам гранит науки обгрызает, так что тут, когда все вместе, не до лекции... Так вот, наш... – здесь говоривший несколько замялся, подбирая нужное слово, – общий друг был совершенно неподражаем: мало того, что его лекции не пропускали, на них приходили с других факультетов, а некоторые особо впечатлительные барышни приводили на них своих молодых людей, чтобы те могли наглядно убедиться в том, что настоящие мужчины ещё не перевелись!

– Теперь, в натуре, уже ты готов заплакать от умиления! – ядовито вставил собеседник Вахтанга.

– Готов, Игорь, признаю, – помолчав, отозвался тот. – Просто я по себе знаю, как трудно этих сволочей-студентов даже на практическом занятии, где им можно пару влить, заставить работать, а этот... гений херов не отпускал сто пятьдесят человек всю лекцию! Знал бы ты, что это такое, когда тебя так слушают, что такое ощущение своей власти над людьми!...

– Но... – начал было Игорь, однако собеседник перебил его.

– Я не об этом, Игорь! Когда на зоне барак боится вздохнуть и ждёт, что ты скажешь, – это понятно, страх есть страх, куда тут денешься! А вот так... Ладно, – резко сменил он тему разговора, – давай лучше о деле!

– Конечно, – обрадовано подхватил Игорь, который крайне неуверенно чувствовал себя тогда, когда разговор становился отвлечённым, неконкретным. – Я и говорю, что эта трахнутая сладкая парочка работает так, что нам нужно что-то делать, иначе они нас сожрут – и очень скоро, причём даже не подавятся, суки!

– Я видел цифры и полностью с тобой согласен. Последние полгода, то есть именно с того времени, как наши интересы пересеклись, мы теряем деньги, теряем регулярно, и очевидно, что наши потери растут в... может быть, даже арифметической прогрессии. Нас может хватить ещё максимум на полгода, а потом, если ничего не изменится, мы с тобой окажемся... малообеспеченными гражданами. Соответственно, окажутся в проигрыше те, кто нас с тобой... финансирует, чьи деньги мы, как это сейчас модно говорить, отмываем. До сих пор они получают своё только потому, что мы отказываемся от части своей доли – так ведь скоро нам отказываться будет не от чего... И тогда они начнут терпеть прямые убытки. Нам обоим хорошо известно, чем это может закончиться. Для нас с тобой, – уточнил он, нервно усмехнувшись.

– Нас с тобой отправят отдыхать в Сочи, а на наше место

назначат других людей...

– Которым придётся столкнуться с теми же самыми проблемами, но уже в гораздо более неблагоприятных для них, этих людей и наших спонсоров, условиях, потому что по нашей вине будет потеряно слишком много времени, которое, как это нам с тобой хорошо известно, и есть деньги. Конечно, с того света не возвращаются, и нам с тобой, скорее всего, не будет ни жарко и ни холодно от того, что нас помянут, как говорил твой Шевченко, «незлым тихим словом»...

– Когда это Шева мог такое сказать?! – сильно заинтересовался услышанным Игорь Иванович Земко, уроженец Полтавской области, которая ныне находилась на территории суверенного государства Украина. – У него что, крыша в этом его «Милане» поехала, он же ещё совсем молодой пацан!

– Я не о футболисте Андрее Шевченко, а о великом Кобзаре – о Тарасе Григорьевиче, – с доброжелательной издёвкой уточнил Вахтанг. – О духовной святыне украинского народа...

– Ну да! – с облегчением выдохнул Игорь Иванович, обрадованный, что с его кумиром всё в большом порядке. – Этот мог, тут без базаров! А Шева – пацан правильный!..

– Нам с тобой о себе думать надо, а не об этом твоём правильном Шеве! – в сердцах бросил Вахтанг, отлично зная страсть своего собеседника к бесконечным разговорам о футболе, которые могли заменить Игорю Ивановичу в этой жизни очень многое. Сам преданно болея за тбилис-

ское «Динамо» и сборную Грузии, Вахтанг всё-таки не мог понять, как можно до бесконечности обсасывать одно и то же – и делать это с жаром, чуть ли не молясь на какого-нибудь полудурка, который и по мячу-то попасть не всегда умеет (конечно, это говорилось не о по-настоящему великом игроке Андрее Шевченко)...

– Всё-всё...

– То, что они нас сжирают, обсуждению не подлежит – это просто реальный, конкретный факт. Мы, конечно, пробовали договориться... полюбовно?...

– Ты что, сам не знаешь!?

– Знаю... Ты лучше скажи, что она тебе ответила в последний раз. Когда я в Вене был.

– Что-что... Ты помнишь, как перед этим она предлагала, чтобы мы под ними бегать стали. Это тогда, когда мы с тобой вместе у неё были...

– Помню. Очень жаль, что мы уже связаны обязательствами, и расстаться с этими людьми можно одним-единственным способом, а то, конечно, нужно было немедленно соглашаться.

– Это ты чего?! Ты когда до этого додумался? – Игорь начал заводится, повышая голос и бросая на Вахтанга грозные, как ему самому казалось, взгляды. – Что же ты тогда молчал? У неё?

– Не кричи, пожалуйста, – попросил Вахтанг. – Я тебя хорошо слышу, так что не кричи, пожалуйста. А додумался я

тогда же – потому что лучше нам с тобой всё равно ничего нельзя было придумать, и она об этом знала... Ну ладно, это прошлое. А в последний раз она что сказала?

– Я тебя потому из Вены и выдернул, – неохотно пробурчал Игорь Земко. – Она сказала, сучка, что поезд уже ушёл – и что мы сами виноваты в этом.

– Она, как всегда, совершенно права, – немного подумав, кивнул головой грузин. – Это действительно так: поезд уже ушёл, и виноваты в этом мы сами...

– Ну-ну...

– Не нукай, пожалуйста. До тех пор, пока мы не рассмотрим ситуацию реально, такой, какова она на самом деле, а не какой нам хотелось бы её видеть, мы не сможем ничего придумать.

– А тогда – сможем? – с сарказмом поинтересовался Игорь.

– Тогда, по крайней мере, может появиться шанс, которым, глядишь, и удастся воспользоваться, – мягко сказал Вахтанг. – Если мы станем гнать волну, прятать голову под крыло или пудрить себе мозги, то... Сам понимаешь, – добавил он.

– Понимаю, а как же... Не один ты такой продуманный, – недовольно проворчал Игорь, любовно поглаживая свой роскошный иссиня-чёрный «хвост».

– Вот и отлично.

– И что ты предлагаешь? – прервал напряжённое молча-

ние компаньонов Игорь Земко. – Ты же сам только что сказал, что выхода у нас нет...

– Выход есть всегда, – задумчиво произнёс Вахтанг. – Вопрос, дорогой, только в том, насколько этот выход приемлем для тех, кто через него может... выйти... В конце концов, поездка в Сочи – это ведь тоже выход, а?

– Всю жизнь мечтал об этом!

– Ну, значит, за тебя можно порадоваться: ты близок к исполнению своей заветной мечты! – недобро пошутил кавказец. – Стало быть, ты близок к тому, чтобы стать счастливым человеком, мечта которого сбывается... Не забудь им за это спасибо сказать...

– Хватит, Вахтанг! – очень зло бросил Игорь, залпом выпил коньяк и потянулся к бутылке, чтобы налить себе ещё.

– Не спеши с дозами, Гарик, – посоветовал ему Вахтанг, перехватывая руку с бутылкой. – Давай сначала по делу, а уже потом отметим найденное нами успешное решение проблемы...

– А оно есть, твоё успешное? – безнадежно спросил Игорь, искоса посмотрев на улыбающегося Вахтанга.

– Может и должно быть! А ты, дорогой, поставь бутылку и слушай меня очень внимательно.

Игорь с неохотой поставил бутылку на стол, подчинившись властным интонациям, появившимся в голосе Вахтанга.

Если честно, то он, после разговора с этой стервой, похо-

ронил и себя, и Вахтанга: чудес не бывает, они влипли слишком крепко, чужие бабки, общаковые, которые они крутили и за прокрутку которых сливали лавьё тем, кому положено, были огромными, поэтому их потеря не могла не стоить жизни тем, кто эту потерю допустил.

То есть ему и Вахтангу...

– Исходные данные, – деловито сказал Вахтанг Туманишвили, – таковы: если не предпринять чего-то... экстраординарного, то через полгода, а то и раньше, нас с тобой не будет. И произойдёт это не потому, что мы плохие или хорошие, а в силу объективных причин – в конкурентной борьбе побеждает сильнейший. Сильнейшими оказались они. Так?

– Ну?...

– В чём их сила? – спокойно спросил Вахтанг и так же спокойно ответил. – Их сила в том, что они представляют собой совершенную пару, гениальный тандем, в котором идеально сочетаются стратегическое и тактическое начала, где каждый делает своё дело – и они прекрасно дополняют друг друга... Ты сам с этого начал.

– Ну...

Вахтанг сознательно не отвлекался на раздражающие его идиотские реплики собеседника, зная, что Игорю нужно вести себя сейчас именно так: эта была особая форма самозащиты, к которой его партнёр прибегал тогда, когда ему не хватало слов, мозгов или умения высказать то, что хотелось...

– Значит, их сила – в единстве. Ты согласен?

– Не мучай Муму, Вахтанг, – посоветовал ему Игорь. – Что дальше?

– А дальше, – Вахтанг потянулся к бутылке и очень аккуратно налил себе микроскопическую дозу коньяка. – А дальше следует неизбежный вывод: если их сила в единстве, то и главная слабость их – тоже в единстве!

– Это как?...

– Не коси под совсем убогого, Гарик... Это значит, что в случае... назовём это... нарушения этого единства... Такая формулировка тебя устраивает?

– Устраивает, – быстро ответил Игорь, и его глаза заблестели.

– Принимается формулировка? Превосходно! Так вот: в случае нарушения этого единства, в случае его, понимаешь ли, нарушения, – забубнил Вахтанг, – что бывает в случае нарушения, а?

– Ты хочешь сказать, – осторожно начал Игорь, забыв даже о коньяке, на который до этого поглядывал с воодушевлением, – что нам нужно...

– Нам нужно разрушить этот идеальный тандем! – чётко, отделяя одно слово от другого, произнёс Вахтанг. – Тогда всё то, что они могли нам предложить, рассыпается, потому что оставшейся, – голосом он выделил это слово, – придётся сосредоточить все свои силы на проблеме собственного выживания. Так сказать, непосредственного выживания, и здесь

уже будет не до конкурентной борьбы в тех масштабах, которые имеют место быть сейчас. Потому что, когда человек тонет, он думает не о том, чтобы утопить кого-то, а о том, чтобы себя самого спасти. Посему...

– Ты гений! – бурно возрадовался Игорь Земко. – Вахтанг, ты настоящий гений!

– А бывают ненастоящие гении? – поинтересовался Вахтанг.

– Да ладно тебе, братуха! Ты молоток! Только... – он задумался, не решаясь продолжать.

– Ты о том, как это сделать? И о том, как нам говорить с большими людьми, под которыми мы бегаем? – просто спросил Вахтанг. – Я думал об этом.

– И что?

– Понимаешь, ведь это и в их интересах тоже: они спасают СВОИ, именно что СВОИ деньги! Поэтому они нам помогут. И нам, кстати, ничего не смогут предъявить, потому что мы с тобой старались справиться с проблемой своими силами и, что самое главное, вовремя предупредили их об опасности – когда ещё можно всё исправить. Так что здесь мы чистенькие...

– Вовремя? Ты думаешь?... – с сомнением сказал Игорь. – Но ведь нам могут сказать: «Почему вы так поздно к нам обратились?»

– Не «могут», Гарик, а обязательно скажут! И не сомневайся в этом! – уверил собеседника Вахтанг. – Тогда мы от-

ветим, что мы вели переговоры, старались всё решить своими силами, чтобы не отвлекать уважаемых людей своими же проблемами. В конце концов, свои обязательства перед ними мы выполняли, и это главное. А теперь возникла проблема, для разрешения которой только наших усилий уже недостаточно, поэтому мы и обратились к ним.

– Потянет, – решил Игорь, – нас должны понять...

– Нас поймут! – уверил его Вахтанг. – Особенно – если мы изложим свои... соображения и расскажем о тех перспективах, которые возникают в случае успешного разрешения проблемы. Преспективы, возникающие не только перед нами, но и перед ними...

– ?

– Когда рухнет то мощное, в чём-то даже совершенное сооружение, которое ТЕМ удалось создать, мы окажемся... первыми в очереди тех, кто может занять место лидера – потому что будем к этому готовы. И тогда уже не она нам, а мы ей будем диктовать свои условия...

– Ей? Ты хочешь сказать, что... избавляться нужно от него? Не от неё, а от него?

– Разумеется, – Вахтанг был удивлён и не скрывал своего удивления. – Ведь в их тандеме стратег – он. Гарик, это такая голова, что я готов снять перед ним шляпу – если бы она у меня была! Ты вспомни, с чего они начинали? Ну, были у него как у доцента университета какие-то деньги, были! Но сколько их было, денег тех? И они за год наварили

столько, что уже в конце мая – когда заканчивался учебный год – то есть с сентября, за девять месяцев! – имели больше миллиона в баксах! И это только то, что официально лежало в банке! У него на кафедре, когда он уходил, все предрекали, что к концу года он приползёт на коленях и станет просить, чтобы его взяли назад, ждали этого, предвкушали, так сказать, наслаждение от унижения... А он пригласил всю кафедру на свой день рождения, который отмечался на пароходе на Москве-реке, где было больше двух сотен гостей – и таких гостей! Прямо на дне рождения он сделал каждому из бывших коллег роскошный подарок – со словами благодарности за счастливые годы совместной работы...

– Ты чего это так разошёлся? – Игорь был очень удивлён поведением Вахтанга. – Тебе-то что до него?

– Тебе не понять, – успокоившись, Вахтанг сверкнул белозубой улыбкой. – Словом, необходимо сделать так, чтобы она осталась сама, а остальное будет делом техники...

– И как ты собираешься это сделать? – поинтересовался Игорь.

– Здесь, дорогой, наша самодеятельность ни к чему хорошему не приведёт, – наставительно произнёс Вахтанг. – Тебе нужно срочно выходить на уважаемых людей, излагать им ситуацию, а они уже должны решать, как это всё лучше устроить. Им виднее: опыта больше, сидят выше, видят дальше. Сам понимаешь. Разделение труда – одна из основ успеха.

– Ты прав. Ну, тогда – давай за удачу, что ли...

– Давай. Всё на свете можно купить, а удачу не купишь, нет такого магазина, где бы её продавали, как говорил один старый рыбак...

– Кто... говорил?!

– Неважно. За удачу, Гарик!

Рюмки жёлтого стекла встретились, издав победный звон, и этот звон вселял в сердца компаньонов надежду, очень и очень приятное ощущение того, что всё не так уж и плохо складывается.

А ведь накануне встречи каждый из них был готов к самому худшему, потому что могущественные и безжалостные конкуренты действительно загнали их в угол – как сказала Игорю Земко хозяйка концерна «Люпус» Алла Алексеевна Либерман, та самая «стерва»: «Вы, уважаемый Игорь Иванович, оказались в цугцванге – это такое положение в шахматах, когда игрок может делать только те ходы, которые ему позволяет делать соперник, но каждый из них лишь ускоряет гибель, приближает к поражению, поражению, заметьте, неизбежному!»

Теперь же выяснилось, что это не совсем так, что в этой шахматной партии есть нестандартные, непрогнозируемые ходы, о возможности существования которых прозорливая Алла Алексеевна и не догадывалась.

А может, догадывалась?

Может, она и их смогла предусмотреть, эта хитрющая

стерва с внешностью фотомодели и компьютером вместо мозгов и сердца?...

... Описанный выше разговор состоялся в начале июня, Валентин Бардар и слыхом не слыхивал о концерне «Люпус» и его хозяйке, а также о некоем «гении», которым восхищался впечатлительный (в некоторых вопросах...) Вахтанг Туманишвили, но именно этот разговор стал точкой отсчёта в цепи тех событий, которые привели к столь неожиданному исходу такого желанного для Валентина и «его радости» Светланы «праздника в лесу»...

* * *

Валентин Бардар был предельно сконцентрирован на разрешении сложнейшей задачи, без чего дальнейшее его, Валентина, существование (на протяжении, во всяком случае, определённого времени) становилось невозможным.

Совершенно, абсолютно невозможным.

... Это был шестой цветочный рынок, который тщательно обследовал полковник ФСБ Валентин Бардар, и пока что, как и на всех предыдущих объектах, его усилия были тщетными: он не сумел отыскать жёлтые розы, которые бы... пахли розами.

Не было таких, не было ни на одном из рынков!

Там, если говорить прямо, вообще не было роз, которые пахли бы цветами... Не говоря уже о жёлтых... Огромные,

на длиннющих стеблях, потрясающей красоты цветы пахли травой или, чаще всего, какой-то противной отравой, какой-вой, вероятно, их опрыскивали с Бог его знает какой тайной целью.

А вот розами – не пахли...

В отношении цветов Светлана обладала несколько необычным, во всяком случае, для России или Украины, вкусом: она любила цветы жёлтого цвета. Стойкая убеждённость в том, что такие цветы обещают разлуку или даже чего похуже, привела к тому, что жёлтые цветы в России вообще были в загоне, их остерегались покупать и дарить, а ведь именно спрос в рыночных отношениях, пусть и полудебильных, но всё же рыночных, которые установились на одной шестой части суши, определяет предложения...

Поэтому отыскать жёлтые розы вообще было непросто, а уж пахнущие розой...

В Одессе Вале удавалось находить огромные, удивительно нежно пахнувшие жёлтые розы, и это двойное чудо – природы и человеческой настойчивости – делало Светлану бесконечно счастливой...

Если честно, то сначала Валентин просто не понял, что означают для его любимой эти цветы, решив, что жёлтые розы – это просто причуда, мало ли какие у женщин могут быть «пунктики». «Больше всего, Валя, я люблю жёлтые розы, которые пахнут,» – неуверенно улыбнувшись, сказала Светлана в ответ на его вопрос о том, какие цветы она хотела бы

получить в подарок.

Сказано «жёлтые» – значит, жёлтые, и Валентин искал в феврале эти цветы, не очень, правда, рассчитывая на успех. Но нашёл – из обыкновенного упрямства, чтобы доказать Светлане, с которой они только что познакомились, что он, Валентин, может всё – было у него такое немного мальчишеское желание, возникшее после того, как на глазах у Светланы по его, как он до сих пор продолжал считать, вине погиб Александр Завалько...

Упрямства у Валентина всегда было больше чем достаточно, отступать он не умел и не привык, поэтому жёлтые розы были найдены.

Валентин торжественно извлёк из-за спины букет роз – и онемел: его поразила волна счастья, залившая лицо Светланы, удивительное просветление, появившееся на этом лице... Это было больше, чем радость; это было больше, чем счастье – он и сам не знал, что это было, но он, Валентин Бардар, ощутил внезапную слабость в ногах и невозможность произнести хотя бы одно слово.

Кажется, даже слёзы подступили к его глазам...

– Валя... – беззвучно произнесла Светлана, оторвав взгляд от цветов и переведя его на лицо Валентина. – Валя...

Именно тогда Валентин Бардар понял, что такое счастье: это когда любимая женщина смотрит на тебя такими глазами и так произносит твоё имя...

И ничего больше тебе уже в жизни не нужно, потому что

в такие мгновения душа твоя умирает и возрождается одновременно, осенённая светом этих глаз...

Вот почему полковник Бардар терпеливо обходил ряды шестого по счёту цветочного рынка, старательно принюхиваясь ко всем розам жёлтого цвета. Да, пока он не нашёл того, что ему нужно, но это не страшно: он обязательно найдёт их, эти жёлтые розы, которые будут пахнуть розами!

Они есть, потому что Света их любит, – и поэтому он их найдёт.

Должен найти.

Это не самая лёгкая из задач, но он обязан её решить.

И решит.

... Машины у Валентина не было, на службу и домой он ездил в метро или служебными машинами, поэтому у него не было потребности в личном средстве передвижения. Но на ту неделю, что в Москву прилетала Светлана, Валя раздобыл роскошный тёмно-синий «СААБ», отличную машину, в высшей степени комфортную и безопасную – это было очень важно.

Валентин панически боялся, что со Светланой может что-то произойти, по его просьбе в далёкой Одессе полковник Алексей Петрович, с которым они вместе работали по делу о покушении на президентов России и Украины, старательно и незаметно «присматривал» за Светланой, а когда они были вместе, то всю ответственность за «профилактику нештатных ситуаций», как он это называл, Валентин брал

на себя. Поэтому он и попросил это чудо техники и безопасности у Эдуарда Николаевича Терещенко, совладельца частного сыскного агентства «Заслон», своего бывшего начальника, родственницу которого, Ларису Луазо (в то время – Ларису Сизову) Валентину удалось вытащить из достаточно трудной для неё ситуации.

Это было несколько лет назад, и именно Лариса стала для Валентина человеком, буквально заставившим его пересмотреть своё отношение к женщинам – и это произошло без всякого нажима со стороны девушки, просто немало повидавший к тому времени в жизни Валентин Бардар впервые встретил Женщину, понял, что это такое и зачем её, Женщину, создал Бог...

Как он, Валя, ненавидел вначале Жака Луазо, толстого парижского дизайнера, которого любила Лариса!.. Пока не понял, что нужно просто радоваться тому, что на свете есть эта удивительная женщина, что она любит и любима, что он, Валентин Бардар, встретил её и сумел помочь ей тогда, когда ей понадобилась помощь...

Просто радоваться тому, что в его жизни была эта удивительная встреча, – и обязательно помнить слова Ларисы о том, что каждого человека в жизни ожидает его собственная счастливая встреча, что нужно быть очень внимательным, чтобы распознать её, сохранить и приумножить то светлое, что посылается Богом каждому из нас один-единственный раз в жизни.

Как говорила тогда Лариса:

Единожды в жизни даётся любовь,
А всё остальное зовётся иначе.

... Самые разные мысли проносились в голове полковника Бардара в то время, когда он старательно оглядывал и обнюхивал длинные цветочные ряды в поисках роз жёлтого цвета, которые сегодня вечером будут подарены его любимой женщине.

И эти розы обязательно будут пахнуть розами.

* * *

После того, как Игорь Земко и Вахтанг Туманишвили наметили пути разрешения проблемы (без преувеличения, от успешности этого разрешения зависела их жизнь), состоялась встреча Игоря Ивановича по кличке «Гарик Зёма» с уважаемыми людьми, представляющими верхушку российского преступного мира. По поручению именно этих людей компаньоны вкладывали общаковые деньги в легальный бизнес, приумножая тем самым финансовое могущество российской преступности.

Гарика Зёму внимательно выслушали те, кому положено было его выслушать, после чего полученная от него информация поступила на самый верх, туда, где принимались ре-

шения.

Наверху, как и прогнозировал Вахтанг, очень высоко и правильно оценили предусмотрительность компаньонов, вовремя доложивших о возникновении проблемы, а также те перспективы, которые возникали после проведения мероприятий по «нормализации отношений» между концерном «Люпус» и предприятием, возглавляемым господами Земко и Туманишвили. Перспективы эти были, можно сказать без преувеличения, радужными, поэтому было принято решение поспособствовать разрушению тандема, обеспечивающего финансовое процветание и неуязвимость (финансовую же!) концерна «Люпус», то есть созданию такой ситуации, когда Алла Алексеевна Либерман останется одна.

Без своего законного супруга и компаньона Вольфа Вольфовича Либермана.

Который станет лишним – и поэтому уйдёт.

После того, как было принято принципиальное решение, соответствующие службы получили задание подготовить процесс «утилизации» Вольфа Вольфовича Либермана таким образом, чтобы его уход оказался максимально эффективным с точки зрения достижения конечной цели всей операции.

Для определения наиболее верных путей достижения этой конечной цели была выделена неделя, в течение которой прошлое и настоящее семьи Либерман были самым внимательным образом изучены – необходимо было определить

гипотетические слабые места в идеальном тандеме, после чего – рационально их, эти слабые места, использовать.

Результаты анализа истории жизни семейства Либерман оказались столь впечатляющими, что для их осмысления было созвано специальное производственное совещание.

Как выяснилось, отношения между пятидесятирёхлетним Вольфом Вольфовичем и тридцатидвухлетней Аллой Алексеевной, которые состояли в законном браке (между прочим, законный супруг был первым мужчиной в жизни Аллы Алексеевны: «Б... буду, Алка за него целкой выходила, она у нас вообще одна целка на курсе была и даже в рот не брала!»— клялась одна из подруг-сокурсниц «Алки») тринадцать лет, с точки зрения достижения конечного результата были настолько многообещающими, что грех было не использовать этот фактор по полной программе...

После того, как аналитики доложили полномочному собранию результаты своей работы и ответили на многочисленные вопросы фактического характера, их попросили изложить рекомендации относительно стратегии и тактики последующих действий.

Рекомендации были даны, их внимательно выслушали и попросили аналитиков удалиться.

– Да-а... – озадаченно протянул ответственный исполнитель. – Я думал, это только в нашей, так сказать, среде такое возможно, групповухи и всё такое прочее. А тут... Всё-таки он сверхобразованный мужик, башка такая, что любому ум-

нику сто очков вперёд даст – и всё равно его как маленького объегорит, а тут...

– Нам от этого только лучше! – веско произнёс человек, которого собеседники откровенно побаивались: все прекрасно знали его сволочный характер и стремление подчеркивать свою значимость всеми доступными средствами.

А положение его в иерархии преступного мира было таким высоким и прочным, что некоторые специфические черты характера данного господина проявлялись в высшей степени вольно, потому что возражать этому человеку отваживались очень немногие...

– Ты хочешь сказать, что это можно и нужно использовать в игре против «Люпуса»... всесторонне? – неуклюже высказался третий участник совещания.

– Хрен его знает, сколько тут может быть сторон, но то, что об этих ихних делах знает, оказывается, пол-Москвы, нам только на пользу идёт! Под это дело можно этот самый ихний тандем вообще на нуль помножить. Или разделить, не в этом суть, главное, что после этого всё станет класс!

– Соблазнительно... – пожевал губами тот, кто задал вопрос.

Ответственный исполнитель, который и так позволил себе лишние эмоции, скромно помалкивал, не решаясь более встревать в беседу хозяев. Исполнитель – он ведь исполнитель и есть, и задача его – исполнять. Что скажут – то он и должен в лучшем виде изобразить.

А участие его в совещании объясняется очень просто: если у тех, кто принимает решение, возникает потребность в консультации относительно того, насколько с технической точки зрения это решение выполнимо, он эту консультацию тут же даёт – не посылать же каждый раз за специалистами!..

Вот, например, как сейчас, когда задаётся достаточно конкретный, требующий такого же конкретного ответа, вопрос.

– То, о чём мы узнали, может нам серьёзно помочь?

– Так точно, – исполнитель уже овладел собой. – Это очень ценные сведения, они открывают большие возможности.

– И сколько тебе надо времени, чтобы ты представил конкретный план? – поинтересовался неформальный руководитель совещания. – Такой, чтоб всё путём было?

– Полагаю, что не очень много, – исполнитель был осторожен. – Хотелось бы уточнить, что именно от меня требуется: мне нужно знать полный объём задания и планируемые конечные результаты. Естественно, только то, что мне позволено знать.

– Ты слышал: нужно помножить на нуль этих... супругов-любовников, – говоривший плотоядно ощерился. При этом он, сам того не ведая, почти дословно процитировал слова господина Земко, сказанные чуть больше недели назад.

– То есть... компрометация в полном объёме? Физическая и моральная? Я правильно вас понял?

– Правильно, правильно, – сквозь зубы пробормотал ру-

ководитель. – Ты не менжуйся, – посоветовал он исполнителю. – В слова нам с тобой играть некогда, тебе не за это бабки кидают. Ты сам всё понимаешь, не дурнее глупого, а то, что от меня хочешь услышать конкретные вещи, чтобы в случае чего на меня же стрелки перевести – так ты эти свои... конторские замашки бросай! Всё равно за результат спросят с тебя, сам понимаешь!.

– Я хотел бы, чтобы вы меня правильно поняли... – начал было исполнитель, но собеседник жёстко прервал его, брезгливо скривив тонкие губы.

– А ты не переживай за меня, я-то понятливый! Ты за себя переживай! За себя, понял?! Так сколько времени тебе надо, а?

Ответственный исполнитель задумался.

Про себя он уже решил, что это задание – одно из самых интересных за то время, что он работает на новых хозяев. Да и в прежней жизни, когда он был ответственным сотрудником всесильного некогда КГБ, подобного рода «творческие работы» встречались ему не так уж часто...

– Неделя на уточнение дополнительных данных и разработку плана и недели две – предварительно, пока что предварительно! – на реализацию плана. Итого – три недели.

– Не мало? А то, может, ты перетрухал да хочешь, как юный пионер, поперед бабки в пекло влезть? Ты смотри, всё должно быть идеальнейшим образом, повторять не стану! А? Так, может, тебе ещё время надо?...

– Мне нужны три недели, – сдержанно сказал исполнитель. – Это вполне реальный срок, его должно хватить для качественной подготовки.

– Есть у нас три недели? – поинтересовался руководитель совещания у замолчавшего после первых же фраз третьего участника обсуждения.

– Они сказали, что есть...

– Они – серуны! Зёма этот... Сказали... Они тебе скажут! Ладно, действуй! Каждые три дня лично докладывай мне о том, что сделано. И о том, что не сделано, тоже! Понял? Лично! Бабок бери столько, сколько нужно, всё равно потом своё вернём...

* * *

Как и обещал ответственный исполнитель, три недели оказались оптимальным сроком для подготовки уникальной операции. Бывшему рыцарю плаща и кинжала подготовка к выполнению этого задания доставляла истинное наслаждение: комбинация, которую он разработал, отличалась, как ему казалось, тончайшим учётом психологии всех тех, кто должен был участвовать (прямо или косвенно) в её осуществлении, а что может быть интереснее, чем манипулировать людьми, делая их послушными исполнителями своей воли? Особенно если они знать не знают и ведать не ведают об этом?

Как в этом конкретном случае!

Денег для подготовки операции и в самом деле понадобилось много. Даже очень много, потому что нужно было не только грамотно исполнить, но и аккуратно замести следы, точнее, перевести стрелки в нужном направлении.

Как это чаще всего и бывает в подобных случаях, именно операция прикрытия стала наиболее сложным фрагментом общей картины, именно на её организацию потребовались самые большие деньги, именно над ней пришлось больше всего ломать голову.

Собственно, так оно всегда и бывает: замести следы – вот самая сложная задача, потому что следы – они, как верно заметил кто-то, остаются, и никуда от этого не деться.

Поэтому операция прикрытия и предусматривала... оставление следов, следов должно было быть много и они должны были направить расследование преступления в нужное русло. След ведь сам по себе мало что значит, всё зависит от того, кто с этим следом работает и что он способен в нём рассмотреть. Вот и нужно будет помочь следователям (название профессии, между прочим, от слова «след»!) увидеть то, что им положено увидеть – с помощью нужных следов...

Так получилось, что в подготовке операции участвовали самые разные люди, и подавляющее большинство из них использовалось «втёмную». То есть они что-то делали, но не знали о том, что это «что-то» является частью великолепно

разработанного плана – они просто выполняли свои обязанности, чьи-то просьбы, а многим вообще казалось, что они откровенно валяют дурака, отвлекаясь от серых и скучных будней...

Особое внимание было уделено выбору непосредственных исполнителей задуманного. Здесь привлекались профессионалы самого высокого класса, услуги которых стоили чрезвычайно дорого, но они, эти услуги, того стоили.

Ответственный исполнитель слишком хорошо знал, какую огромную роль в достижении цели играет человеческий фактор, поэтому он обращался только к лучшим из лучших. И поэтому – к самым дорогим из дорогих специалистов. Зато гарантией успеха были высочайшая квалификация исполнителей и их безупречная репутация.

Запрошенные ответственным исполнителем три недели истекали шестого июля.

Как раз в тот день, когда Валентин Бардар должен был встречать в аэропорту любимую женщину, которую собирался отвезти на дачу своего бывшего школьного учителя Александра Владимировича Воеводина, где их обоих ожидала неделя «праздника в лесу».

Праздника, о котором они так давно мечтали.

... Добротная, но скромная дача господина Воеводина, небогатого, однако вполне прилично обеспеченного «рантье», как он сам называл себя в разговорах со своим бывшим учеником Вале́й Бардаром, находилась в одном и том

же дачном посёлке, что и роскошный загородный дом четы Либерман.

Более того, Воеводин был другом детства Вольфа Вольфовича Либермана, который предусмотрительно старался окружить себя хорошо знакомыми людьми: именно Либерман помог Воеводину со строительством дачи, расположенной на соседнем с его имением участке земли.

ГЛАВА II

Конечно, Валентину Бардару удалось отыскать жёлтые розы, которые пахли так, что один их запах мог свести с ума любую женщину. Он купил их у невзрачной бабульки, притулившейся со своим обшарпанным ведром возле входа в подземный переход, и произошло это довольно поздно, во всяком случае, времени, чтобы добраться до аэропорта, оставалось в обрез.

Валентин торопился, ему было некогда – да и не собирался он этого делать – торговаться, поэтому он сходу протянул старухе двадцатку с портретом американского президента из периода древней для самой могучей страны мира истории и бережно подхватил тяжёлый, изумительно пахнущий букет огромных чайных роз.

– Спасибо вам, бабушка, – тепло сказал он.

Старуха, вцепившаяся в заморско-российские деньги мёртвой хваткой и не обращавшая до этого внимания ни на что другое, перевела растерянный взгляд с зеленовато-серой купюры на человека, который ей эту купюру передал, и вдруг улыбнулась, сразу став обычной русской бабушкой, на которых стояла и стоять будет Россия – бабушкой, сумевшей чем-то угодить любимому внуку: нельзя было не откликнуться на ту радость, которая осветила лицо Валентина.

– Хай щастыть, сынку! – произнесла она не совсем по-

нятные Валентину слова, и уже в машине он вспомнил, что именно так желают счастья на Украине. Бывая в Одессе, он слышал эти слова не раз, но только сейчас подумал о том, насколько они мягче и добрее простого «Счастливо!», которым и сам он частенько заканчивал разговоры...

Самолёт из Одессы прилетел вовремя, пассажиров, несмотря на позднее время и летний период, было много, в том числе и молодых женщин и девушек, но не увидеть Светлану было невозможно – даже в этой пёстрой и говорливой толпе выделялась высокая, грациозная девушка, которая гордо несла свою красивую голову с пышными светлыми волосами, жадно оглядывавшая зал аэропорта в поисках... того, кого ей хотелось видеть...

Поэтому она не обращала никакого внимания на спортивного вида рослого парня, что-то настойчиво предлагавшего ей.

Увидев этого красавчика, Валентин мгновенно подобрался, ощутив неукротимое желание... запретить ему так смотреть на Светлану, закрыть ему рот – и вообще... Что означало это «вообще», он не успел понять, потому что Светлана, найдя его глазами, лёгким движением сорвалась с размеренного шага и побежала – побежала к нему, Валентину, неловко застывшему возле колонны в зале ожидания.

– Валя... – сдавленно всхлипнула она, крепко обхватив своими сильными руками голову Валентина и, казалось, вообразив лицо любимого в свои бездонные глаза, в уголках кото-

рых повисли слезинки. – Валя...

Валентин очень бережно положил свою крепкую руку на плечо Светланы и медленно, стараясь не показать, как сильно хочется ему этого, прижал к себе её гибкое и сильное, ставшее нежно-податливым, тело.

Они постояли так немного, совсем немного, после чего из-за спины Валентина появился тот самый букет жёлтых роз, который уже отчаялась было сбыть с рук безымянная для Валентина бабулька.

– Валя!..

Вот оно!

Вот оно, то выражение счастья, которое было так знакомо и дорого Валентину, ради появления которого на лице Светланы он готов был на всё, что только было в человеческих силах, даже на большее, потому что мужчина чаще всего счастлив отражённым счастьем – это когда он может сделать счастливым того человека, без которого вся жизнь теряет смысл, без которого, в сущности, и жизни-то никакой нет, каких бы высот ты ни достигал...

Ведь самому человеку, как правило, нужно очень немного, ведь человек – это всего лишь человек, но осознание того, что твоя жизнь делает счастливым кого-то, кто дорог тебе так же, как и ты ему дорог, позволяет преодолеть однократность собственной жизни и проживать новую – в этом родном тебе человеке.

Может, действительно, любовь может подарить бессмер-

тие?...

«Классная тёлка, а досталась какому-то... чмошнику!» – с сожалением констатировал про себя недавний попутчик Светланы, сразу понявший причину её непритворной холодности: он знал, что по-настоящему любящие друг друга люди не играют в равнодушие, они в самом деле не замечают никого, кроме тех, кого любят.

«Да-а-а, тёлка в большом порядке!» – ещё раз подумал он, подхватил свою сумку и отправился на поиски такси, которое, впрочем, к чести Москвы, не заставило себя искать.

* * *

Сегодня, шестого июля, должна была закончиться трёхнедельная подготовительная работа – закончиться представлением, ради которого всё и делалось и которое должно было принести необходимый результат.

Ответственный исполнитель, который за эти три недели проделал колоссальную работу, ощущал сейчас – одновременно! – и некое волнение, вызванное ожиданием успешного завершения трудной, кропотливой работы, и какую-то приятную расслабленность, своего рода реакцию на недели напряжённой работы мысли и бесконечных увязок всего того, что нужно было увязать и согласовать.

Строго и придирчиво оглядывая процесс подготовки, ответственный исполнитель не мог отыскать чего-либо, что

могло помешать реализации во многом совершенного плана по «утилизации» Вольфа Вольфовича Либермана. Не мог отыскать упущений или недоработок, не мог найти слабых мест, не обнаруживал сомнительных, «на авось», действий – всё строго, точно, обоснованно и целесообразно!

Железобетонно!

Тем не менее, будучи профессионалом, обладая огромным опытом работы в самых невероятных условиях, он отлично понимал, что предусмотреть абсолютно всё невозможно.

Всегда будут непредвиденные случайности, помехи, спрогнозировать появление которых просто невозможно, а также прочие неконтролируемые факторы, зачастую способные свести на нет самый блестящий план и самую тщательную подготовку – и тогда прости-прощай, но необходимого результата не будет.

Вместе с тем, и это тоже было совершенно однозначно, как сейчас утверждают все и обо всём, он понимал – его огромный опыт убеждал его в этом – , что результативность проводимых мероприятий во многом обеспечивается тем, что исполняемый план должен быть как можно более простым, в его осуществлении должно быть использовано как можно меньшее количество исполнителей.

Потому что, и это закон универсальный, чем сложнее система, тем более велика вероятность выхода из строя отдельных её элементов.

Чем больше народу в деле – тем больше шансов проколоться, потому что самым слабым звеном всегда оказываются именно люди, исполнители...

Разумеется, координировать проведение операции он должен был сам, здесь никому нельзя было передоверить ответственность, он это знал и был готов к этому. Кроме того, именно он разрабатывал план, именно он подбирал исполнителей, именно он лучше всех знал, как должна была выглядеть целостная картинка, складывающаяся из внешне разрозненных фрагментов мозаики. Следовательно, именно его реакция на гипотетические неожиданности должна была стать самой точной и наиболее адекватной сбивающим факторам...

* * *

Во внешности Аллы Алексеевны Либерман не было ничего семитского, что, в общем-то, и неудивительно: ведь фамилия у женщин – это настолько часто меняющаяся «характеристика», что... Кто его знает, какую фамилию будет носить в следующую встречу та, кого ты помнишь и знаешь по школьной или институтской кличке, образованной от её тогдашней фамилии?

Если бы она ещё и сама это знала...

Когда Алла Пчёлкина по кличке «Алка-Оса» стала Аллой Либерман, многие восприняли это... неадекватно: ме-

нять хорошую русскую фамилию на... Либерман?! Но сама Аллочка была счастлива тем, что вышла замуж – «со штампом в паспорте»! – за великого Вольфа Вольфовича, перед которым преклонялась, и всё остальное её просто не волновало! Человек был счастлив – а это главное, ведь даже великий писатель земли русской, мужчина строгих правил Лев Толстой как-то обмолвился: «Кто счастлив – тот прав!».

Правда, после этой своей крылатой фразы он много ещё чего наговорил, окончательно запутав своих многочисленных последователей и исследователей, но тут-то Лев Николаевич был прав стопроцентно: ежели ты счастлив, то ты и прав – этим своим счастьем прав!

Однако реальное счастье Аллы Либерман оказалось несколько отличным от того счастья, которое виделось ей до замужества, и многое пришлось испытать в семейной жизни умничке-красавичке Аллочке...

Но если к тридцати двум годам представления Аллы Алексеевны о счастье существенно отличались от того, что грезилось ей в годы юности, то внешне Алла Либерман выглядела по-прежнему потрясающе: данные ей Богом красота, грация и стать, делавшие её в годы юности первой среди первых, не исчезли, не растратились, не растворились в прожитых годах.

Наоборот: с помощью дорогостоящих средств, которые она могла себе позволить, эти богатства приумножились, и сейчас в зал роскошного подмосковного ресторана в русском

стиле под незамысловатым названием «Заведение Хрипунова» входила настоящая красавица, зрелая, что называется, в соку женщина, облачённая в умопомрачительно дорогой брючный кожаный костюм, надетый на голое тело.

Появление Аллы Алексеевны ожидалось, гостеприимные хозяева, которые, собственно, ради неё и затеяли этот приём на сто с лишним человек, старательно выглядывали дорогую гостью. Приглашение на приём было доставлено в офис концертна «Люпус» лично Максом Белинским, владельцем фирмы, с которой у «Люпуса» намечались взаимовыгодные деловые отношения, десять дней назад, и тогда же, с благодарностью принимая приглашение, Алла Алексеевна объявила, что «Уважаемый Вольф Вольфович» (она при этом неуловимо-издевательски передразнила почтительнейшую Максову интонацию) пожаловать на приём не смогут, но она сама с удовольствием побывает в гостях у столь симпатичных ей людей...

Сейчас эти «симпатичные ей люди», слегка нервничая, бросились с трёх сторон к дорогой гостье, бурно выражая глубочайшую радость по случаю её своевременного и благополучного прибытия.

Максу Белинскому установление тесных взаимовыгодных контактов с концерном «Люпус» и лично Аллой Алексеевной было жизненно необходимо.

Но, сам того не ведая, он ещё и добросовестно выполнял отведённую ему планом роль: благодаря ему, сегодня ве-

чером Алла Алексеевна Либерман должна была находиться вне дома.

И именно в «Заведении Хрипунова», где её ждали...

Конечно, появление Аллы Алексеевны в зале ресторана было замечено не только хозяевами: абсолютно все присутствующие прекрасно знали, кто такая Алла Либерман (как говорится, мир тесен, а Москва – большая деревня, где все всех знают...), многие столь же хорошо знали, на что способна эта женщина как в бизнесе, так и в... личностных проявлениях, как сказал бы, напрягши извилины, Игорь Иванович Земко, он же Гарик Зёма, с подачи которого в жизни Аллы Алексеевны наступала чёрная – и ещё какая чёрная! – полоса...

На появление Аллы Алексеевны соответствующим образом отреагировали и те, кто находился в «Заведении Хрипунова» сугубо с целью выполнения своих, весьма специфических, профессиональных обязанностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.